

Гарегин Севуниц
ТЕГЕРАН

Молодая гвардия
1956

Гарегин Севу

ТЕГЕРАН

Р О М А Н

КНИГА ВТОРАЯ

Перед рассветом

Авторизованный перевод с армянского
А. САДОВСКОГО и АРУСЬ ТАДЕОСЯН

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1956

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Глава первая

1

аступили небывалые холода.

Снег шел не переставая.

Сотканный из крупных звездчатых снежинок, белый занавес опустился с неба. В складках этого кружевного занавеса уже на расстоянии десяти шагов терялись и дома, и деревья, и фигуры людей.

Чудилось, что иранская столица, скрывшись за снежным занавесом, прихорашивается, примеряет сверкающий белоснежный убор, стремясь доказать миру, насколько она краше в новом наряде.

Но это только чудилось... Вот из-за снежного занавеса вынырнула запорошенная снегом фигура человека. Его голова была не покрыта, длинные и черные как сажа волосы мокрыми жгутами свисали на плечи, густая щетина такой же черной бороды тоже была мокра от снега. Чтобы удержать на теле лохмотья расползающейся одежды, человек этот обвязал себя веревками и проволокой. К обернутым кусками мешковины ногам медной проволокой были прикреплены деревянные сандалии.

Человек шел с трудом, точно под тяжестью непосильной ноши, то вытягивая вперед, то втягивая в плечи тощую шею. Он часто останавливался, отряхивал снег и пугливо озирался по сторонам. Необходимо было хоть немного согреть одеревеневшее от стужи тело. Но об этом нечего было и думать — ноги полуголового человека по колена вязли в снегу, со всех сторон его окутывала все та же холодная, беспросветная мгла.

Внезапно перед ним выросла фигура другого человека, высокого и худого; на плече он держал девочку лет десяти, прикрытую камышовой цыновкой; голова и босые ноги девочки были запорошены снегом.

— Нет ли где-нибудь вблизи огня, брат? — спросил он останавливаясь. — Замерзаем...

— У-у-у... — дрожа от стужи, отозвался человек в лохмотьях. — Сам ищу... Нету...

Он потащился дальше, бросив на ходу:

— Может быть, у пекарни найдем...

Мужчина с девочкой на плече, кряхтя, зашагал вслед за ним.

Под стеной хлебопекарни сбились в клубок люди. На первый взгляд нельзя было определить, сколько их приютилось под небольшим фанерным навесом. Здесь собрались босые и полуголые нищие, которые в обычные дни обходят улицу за улицей, двор за двором, выбирая из помоек заплесневевшие корки хлеба и кости, вымаливая подавание.

В большом городе с его роскошными дворцами, ресторанами и кафе, наполненными разодетыми господами, эти полунагие нищие казались изгнанниками, бродящими в поисках крова и пищи.

Разожженный под навесом небольшой костер уже подернулся пеплом. Топлива больше не было. Чтобы хоть немного защитить себя от прохватывающего насквозь ледяного ветра, люди набрасывали на себя все, что попадалось под руку, — тряпье, обрывки цыновок. Пожилой мужчина с болезненным лицом положил себе на спину своего лохматого пса. Свесив обе лапы на грудь хозяину и положив морду ему на плечо, пес

таким же грустным, как у людей, взглядом следил за потухающим костром.

Человеку с собакой можно было позавидовать: у него, по крайней мере, не мерзла спина, и он не ежился так от холода, как другие. Соседи его старались плотнее прижаться друг к другу, всех одолевала дремота. Однако, как только в дверях пекарни показывался кто-либо из покупателей, человеческий клубок распадался. Двое-трое быстро вскакивали на ноги и, выставя напоказ свое убожество, обступали обладателя хлеба:

— Ханум, кусочек хлеба!..

— Арбаб, умираем с голоду. Хлеба!..

Случалась и удача. Вот тепло закутанная покупательница, выйдя из пекарни, протянула ломоть хлеба полунагому мальчишке, который перескакивал с одной босой ноги на другую. Схватив хлеб, мальчишка вернулся к навесу, встал на теплую землю у костра, стараясь отогреть застывшие ноги. Отщипывая от ломтя маленькие кусочки хлеба, он стал совать их в протянутые к нему руки. Но протянутых рук было много, а ломоть один.

В это время к навесу подошли двое мужчин, один из которых держал на плече девочку.

— Ради аллаха... погреться! Девочка у меня... умирает...

Кто-то угрюмо отозвался:

— Э-э, бедняга, этот костер не возвращает души умершим!

— Умерла? — не расслышав, переспросил пожилой человек с обвязанной тряпками головой. — За чем же ты притащил ее сюда?

— Да нет, не умерла, замерзла только.

— А-а, замерзла! Ну, теперь весь Тегеран мерзнет, не можем же мы обогревать весь город у своего костра!

— Надо и совесть иметь, — вмешался какой-то старик. — Видите, закоченела девочка!

Сосед толкнул его локтем:

— Ну, раз ты такой совестливый, вставай, уступи свое место!

Кое-как люди уплотнились, освободили место для мужчины с девочкой.

На теплой земле возле потухающего костра девочка немного отогрелась и, заметив ломоть хлеба в руках мальчугана, слабым голосом прошептала:

— Хлеба...

— Эге, не успела отойти, уж и хлеба просит! Эй, малыш, дай уж и ей кусочек...

Длинноволосый человек в лохмотьях протягивал руки над головами сидящих к теплым струйкам воздуха, поднимавшегося от костра. Один из них запро-тестовал:

— Да отойди ты! Всего снегом засыпал!

— Сейчас, чуточку согреюсь только... Совсем застыл, пока сюда добрался... Сосед у нас умер, нужно в полицию заявить...

Человек с закутанной тряпками головой проворчал:

— И что за день такой — с утра только о мертвых и говорят!..

Но сосед его, не обращая внимания на ворчание, начал расспрашивать:

— Умер, говоришь? Так зачем же заявлять в полицию?

— Некому у нас хоронить его. Все в домах при-таились, не выходят, боятся... А этот проклятый снег все идет и идет!

Решив, очевидно, что отогрелся достаточно, длинноволосый снова пустился в путь.

В снежной мгле показались еще двое.

— У-у-ум-мремм все... — лязгая зубами, говорил один из них. — Б-будет ли к-конец с-снегу?..

Снегопад, наконец, прекратился, но бездомным от этого не стало легче. Поднялся снежный занавес, прояснилось небо, и открылся Тегеран в своем новом, белоснежном наряде, дрожа от холода.

Ударил страшный мороз. Стыли низенькие домишки и лачуги, замерзали люди и животные. Уже невозможно было усидеть в нетопленных помещениях. А мороз все усиливался. Закрылись лавки, остановилось движение на улицах города; в пекарнях

из-за отсутствия подвоза муки и топлива перестали выпекать хлеб.

Люди надеялись, что природа, южная богатая природа, никогда не позволяющая снегу лежать дольше одного дня, быстро прекратит свою жестокую шутку. Но проходили дни за днями, а мороз не ослабевал, пекарни и лавки не открывались. За эти несколько дней в заваленных снегом домах было сожжено все, что можно было сжечь, превратить в огонь и тепло. Жгли бумагу, цыновки, тряпье, всякий мусор, деревянные рамы тахт, но не могли согреться. Многие, навертев на себя тряпье, выходили с дырявыми паласами и тюфячками на перекрестки, где горели общественные костры. Но этих костров было слишком мало, чтобы обогреть десятки тысяч несчастных.

Нашлись предприимчивые люди. Разжигая на улицах и во дворах собственные костры, они зазывали к себе желающих отогреться:

— Десять шаи, всего только полкрана, за место у костра! Подходи, набирай тепла на полкрана!

На небе горели холодные звезды, а на улицах Тегерана остывали костры, вокруг которых для людей уже не оставалось места.

Многие бедняки, не имевшие сил выбраться на улицу, так и умирали в своих лачугах.

Вот из одного двора полицейские выволокли одеревеневший труп старика, потащили к погребальным дорогам. Из соседних дворов слышались голоса женщин:

— И у нас есть! Унесите, ради бога.. Дети боятся...

Повсюду у костра слышались жалобные голоса:

— Аман, умираю... Дайте хоть немного согреться!

Но не так-то легко было пристроиться к общественным кострам: дети и взрослые, мужчины и женщины толкали друг друга и ругались, стараясь протиснуться поближе к огню.

По ночам казалось, что весь Тегеран охвачен багровым пламенем. И в пламени костров город дрожал. Дрожал от холода...

В эти страшные дни Фати, не в силах сносить больше бесстыдные расспросы и издевательские насмешки женщин, сбежала из городской больницы.

Поздно вечером, захватив в коридоре чью-то шаль, она накинула ее на плечи и выскользнула на улицу. Ноги у нее подкашивались от страха, а сердце билось так, точно хотело выскочить из груди.

Никто за нею не гнался, но она почти бежала, стремясь уйти подальше от больницы.

Первое время, согревшись от быстрой ходьбы, она даже не чувствовала холода, но вскоре начала мерзнуть. Наброшенная на плечи шаль не защищала от пронизывающей все тело стужи.

Она и не заметила, как очутилась на узкой, безлюдной и темной улице, на которой не было видно никаких признаков жизни.

Фати охватил страх. Бежать дальше не имело смысла. Куда же идти? Где найти пристанище на ночь? Так ведь недолго и замерзнуть на улице.

Она решила постучаться в какую-нибудь дверь и остановилась перед первыми попавшимися закрытыми воротами, но вдруг подумала: «А если спросят, кто я, — что мне ответить?» Она могла, конечно, ответить: «Я нищенка...» Но кто откроет двери своего дома перед бесприютной нищенкой?

После долгих колебаний Фати все же постучала в одни ворота, но так несмело, что в доме едва ли могли услышать стук. «Спят, наверно, — подумала Фати. — Если разбужу, рассердятся. Лучше постучусь в двери другого дома, где еще не легли спать».

Она побежала дальше, оглядывая ворота по обе стороны улицы.

Еще одни ворота. Сквозь щели пробивается тусклый свет.

Фати постучалась.

Изнутри послышался хриплый голос:

— Кто там?

— Пустите переночевать... ради аллаха... — запинаясь, еле выговорила Фати.

Человек за воротами возмутился:

— «Переночевать»... Что тебе тут, караван-сарай? Иди своей дорогой!

— Дорогу я потеряла...

— Не броди по ночам — не будешь терять! Кто тебе разрешил стучаться в чужие двери?

— Наверно, воровка какая-нибудь, — донесся из глубины двора женский голос.

Фати бросилась от ворот чуть не бегом.

После этого она постучала еще в ворота двух домов, но и там ей отказали в ночлеге.

От холода у нее уже зуб на зуб не попадал, из глаз текли слезы. Не помня себя, она выбежала на площадь, освещенную красноватыми отблесками костра.

В правом углу площади маячил высокий минарет мечети, а под ее гигантским сводом теснилась вокруг костра группа нищих. Не подходя ближе, Фати остановилась, внимательно разглядывая людей. Вокруг пылающего костра сидело несколько детей, женщина в лохмотьях, девушка почти одного с Фати возраста и десятка два бродяг и нищих всех возрастов. Все они тянулись руками к огню.

Фати несмело сделала еще несколько шагов. Раньше всех ее заметил мальчишка лет двенадцати и толкнул в колено сидящего рядом старика.

— Погляди-ка, еще одна...

Голова старика была прикрыта дырявой войлочной шапкой, на спине горбом сбилась тряпье. Подняв голову, он сказал:

— Будь ты ангелом или шайтаном, но раз пришла сюда, подсаживайся к нашему очагу!

Услышав это странное приглашение, Фати подошла ближе. Сидевшие у костра, одни с любопытством, другие равнодушно, уставились на нее.

— Кого ищешь, девушка? — спросил старик, почесывая грудь. — Если потеряла кого-нибудь, гляди внимательнее: тут все потерянные...

— Я... я погреться хочу...

— Погреться? — усмехнулся старик. — Ну, садись, садись, на полчаса этого огонька хватит... Да, так что я рассказывал?

— Погоди, надо узнать, кто она, — прервал старика человек, у которого, казалось, не было ничего, кроме головы: хилое туловище скрывалось где-то в пышном ворохе всевозможных лохмотьев. — Ты чего это бродишь по ночам, девушка? Кто ты?

Сосед прикрикнул на него:

— Э, брось болтать! Да подвинься, дай ей погреться! Видишь, девчонка замерзла совсем...

Сидевший рядом с девочкой человек, похожий на скелет, неохотно подвинулся, давая место Фати.

Молодой нищий, заметив медлительность скелетообразного, толкнул его локтем.

— Пошевеливайся, раз говорят! Расселся тут за двоих, а когда надо дрова добывать, так не дозовешься тебя...

Началась перебранка. Шум голосов разбудил черноволосого мужчину с крючковатым носом, который сидя дремал, положив голову на плечо соседу. Открыв глаза, он с любопытством уставился на Фати и встряхнул головой, отгоняя дремоту:

— Ого, човенькая у нас!

Фати резко выделялась среди других, сидевших вокруг костра. Волосы у нее не были растрепаны, платье и шаль имели опрятный вид. Только слишком бледное лицо и печаль в глазах говорили, что она, быть может, еще более несчастна, чем все остальные.

Уставившись на Фати ястребиным взглядом и насмешливо оглядывая ее, горбоносый спросил:

— Эй, как звать тебя, девушка?

Фати не смогла выдержать его хищного взгляда. Опустив глаза, она еле слышно назвала свое имя и протянула руки к огню. Губы ее дрожали, точно она собиралась заплакать.

— А-а, Фати... Откуда же ты убежала?

— Из дому.

— Так у тебя и дом есть?

Горбоносый, явно заинтересованный девушкой, привстал и крикнул:

— Эй, Скорпион, не видишь, что Фати должна

садиться в самую грязь? Расселся, как у тетки в гостях. Отдай свой мешок!

Молодой нищий, по прозвищу Скорпион, молча выдернул из-под себя мешок, набитый каким-то тряпьем, и положил на мокрую землю рядом с Фати.

Растрепанная женщина с провалившимся носом бросила на Фати завистливый взгляд. Затем, взяв железный прут, она разгребла угли в костре и, достав три картофелины, подкатила одну из них к ногам горбоносого.

— Бери, Черный Дервиш, уже испеклись.

— У себя дома, — усмехнулся горбоносый, — я всегда угощаю сначала гостей. Дай этой девушке, она наша гостья.

Поколебавшись немного, безносая женщина взяла картофелину и протянула ее Фати, но та отказалась:

— Спасибо, я обедала, не хочу.

— Слышишь, Черный Дервиш? Она обедала! — удивленно воскликнула безносая женщина. — Из зажиточного дома, видать... Клянусь имамом, у нее, наверно, и золото есть!

— Молчи, Фаришан! — прикрикнул на нее Черный Дервиш. — Золото не такой мусор, как ты, не валяется на улице. Слышала? Фати убежала из дому, устала, иззябла. Пусть погреемся у нас, зачем обижаешь ее?

— Так я же ничего такого и не сказала, — начала оправдываться Фаришан. — Было время, и я досыта ела по вечерам. Наша ханум была жадная, чтоб ей горячие угли лизать на том свете! Ну, а зато арбаб был очень добр к молоденьким служанкам. Завернет бывало в салфетку целую миску плова и сунет в руки тайком от ханум. Да и вчера мы могли бы поесть досыта, если бы Скорпион не забрался к тому торговцу на рынке. Не может без того, чтобы не поохотиться за кошельками, а люди свирепеют от этого... Вот и она, верно, так, — кивнула нишенка на Фати, — уворовала что-нибудь, ну и бегаёт теперь по ночам.

— Я не воровка! — воскликнула Фати, с отвращением глядя на провалившийся нос этой ужасной женщины.

— Прикуси язык, Фаришан! — снова вступился за Фати Черный Дервиш. — Когда это я назначил тебя судьей?

— Зачем обижать девушку! — вмешался и старик. — От нашего костра не убудет, если над ним протянется еще несколько рук. У Скорпиона есть еще немного дров. А если запас иссякнет, я берусь поддерживать огонь до утра.

— Бороду свою, что ли, будешь палить? — с усмешкой спросил Скорпион.

— Нет, башку твою дурацкую суну в костер! На что она тебе? Не хватило умишка даже для того, чтобы сберечь двух коней... Лежал бы теперь в конюшне на мягком сене и спал в тепле до утра!

— Эх, правильны твои слова, Борода! — с сожалением проговорил Скорпион. — Правильны... Лучшей жизни я не видел, чем в конюшне, у лошадей. Иногда моя ханум присылала мне в конюшню даже горячую пищу: целую миску мясной похлебки или остатки плова. Клянусь двенадцатью имами, не вру! А уж какая красавица — красивее ее нет во всем Тегеране! И покататься любила на лошадях. Бывало сяду на козлы коляски, закручу на руки вожжи и мчу ее прямо на Лалезар, к лавке того лысого армянина, который торгует золотом и всякими драгоценными камнями.

— Видно, денег-то ей арбаб давал вволю, — откликнулся кто-то.

— А то нет? У арбаба и автомобиль был и лошади. Большой начальник он в министерстве, очень богатый. А брат у него шахский министр... Эх, не подошли бы эти проклятые лошади, и сейчас бы я блаженствовал. И ведь неплохо смотрел за ними, клянусь имамом! А все-таки сдохли...

Черный Дервиш раздраженно плюнул.

— Правду сказал Борода — башка у тебя, Скорпион, только на растопку и годится. Все болтаешь

про свою ханум, конюшню да лошадей. Вот погляди на эту девушку — у нее, может, есть поинтереснее что рассказать, а, видишь, молчит... Так, говоришь, ты из дому убежала, Фати? А что же случилось у вас дома? Почему ты убежала?

Фати сперва замялась под испытующим взглядом Черного Дервиша, а потом решила солгать.

— С невесткой мы не ладили, — тихо сказала Фати. — С утра до вечера она мучила меня, а вечером жаловалась брату, будто я ничего не хочу делать дома. Сегодня сама опрокинула себе на ноги миску с кипятком, а вину свалила на меня, пожаловалась брату. Меня брат чуть не убил. Вот и убежала...

— Я верю девушке, — объявил Черный Дервиш. — Все невестки и золовки живут, как кошка с собакой. Ну, а братья всегда держат сторону своих жен... Ничего, Фати, ты не горюй. Я тебя не выгоню из дому, как выгнал твой брат. Вот он, наш дом. Понравится — оставайся, не понравится — уходи хоть завтра куда тебе вздумается. А здесь, у меня дома, никто тебя и пальцем не тронет... Эй, вы, — обратился он к бродягам и нищим, — слышите? Чтоб никто не смел у меня обижать девушку! А завтра каждый из вас принесет что-нибудь и на ее долю. Фаришан, ты завтра будешь сидеть во дворе мечети, это выгоднее всего для тебя. Ты, Скорпион, не показывайся больше на рынке — убьют. Будешь теперь ходить по дворам. О дровах на завтра позаботится Борода. А мне нужно будет поискать место для Фати, где она могла бы жить и работать служанкой. Ей ведь трудно еще приноровиться к нашей жизни. Может быть, и удастся устроить ее куда-нибудь... Ты сама-то согласна на это, Фати?

Ну, конечно, Фати согласна! Она радостно закивала головой, ничуть не сомневаясь в том, что этот человек с ястребиным взглядом, которого все так боялись, выполнит все, что сказал.

— А теперь, Борода, продолжай свою историю о шахе Аббасе! — приказал старику Черный Дервиш.

Трудно, невыносимо трудно было ожидать утра, не имея возможности прилечь и заснуть. Люди, сидевшие рядом с Фати, кое-как приспособивались и спали. Один клал голову на плечо или колено соседа, другой умудрялся спать сидя, то опуская голову почти до огня, то снова вскидывая ее.

А Фати за всю ночь не сомкнула глаз. Ежеминутно она оборачивалась в сторону площади, смотрела, не светает ли. Долгой показалась ей эта морозная ночь.

Когда наступило утро, нищие начали расходиться.

У костра оставались только Фаришан и Скорпион, когда Черный Дервиш поднялся на ноги и сказал:

— Ну, идем, Фати, посмотрим, что нам уготовил аллах...

Пройдя несколько узких и кривых улиц, они вышли на сравнительно широкую, прямую улицу, по обеим сторонам которой тянулись лавки и мастерские ремесленников.

— Тут старик один просил подыскать ему девушку, — сказал Черный Дервиш. — У него лавка, мылом, свечами он торгует, всякой мелочью. Сам одной ногой уж в могиле, а дома некому даже чай вскипятить...

Фати не испугали эти слова. Кто бы ни был этот арбаб, ей все равно, лишь бы у нее был кров и кусок хлеба. А работы она не боялась.

3

В глубине маленькой лавчонки сидел человек лет сорока пяти с крашеной бородой.

Черный Дервиш почтительно поклонился ему.

— Салам, агайи Орудж! Я не забыл твоей просьбы. Вот эта девушка ищет места служанки.

Вытянувшись за прилавком, Орудж оглядел Фати с головы до ног.

— Кто ее родители?

— Нет у нее родителей, сирота.

— А-а... Сколько тебе лет, девушка?